

МЕМУАРЫ Е.Р. ДАШКОВОЙ КАК ПАМЯТНИК ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Екатерина Романовна Дашкова, годы жизни – 1743-1810, княгиня, дочь графа Воронцова. Дашкова получила свою известность как сподвижница Екатерины II и участница «государственного» переворота 1762 г., впоследствии ее называли Екатериной «Малой».

Е.Р. Дашкова была видным общественным деятелем и литератором. Она стала первой женщиной – президентом Российской академии наук, была членом Стокгольмской, Дублинской и Эрлангенской академий, Вольного Экономического Санкт-Петербургского общества, Берлинского общества испытателей природы и Филадельфийского философского общества. По инициативе Дашковой был основан журнал «Собеседник любителей российского слова», в котором участвовали Г.Р. Державин, М.М. Херасков, В.В. Капнист, Д.И. Фонвизин, И.Ф. Богданович и др. [3, с. 6-7].

«Записки» Дашковой были написаны в 1804–1805 гг., но можно предполагать, что какие-то записи велись ею на протяжении всей жизни и послужили в дальнейшем материалом для создания «Mon histoire» (названия рукописи мемуаров на французском языке, опубликованной позже в «Архиве князя Воронцова».

Мемуары Е.Р. Дашковой являются едва ли не самым широко цитируемым и изучаемым текстом этого периода. По сложившейся исследовательской традиции текст расценивается либо как памятник эпохи Просвещения, либо как ценный исторический документ, достоверность которого, правда, периодически оспаривается, а потому и ценность часто ставится под сомнение.

В «Записках» Дашковой сочетаются две модели личности: личность эпохи Просвещения и модель личности, которая была более привычна для русского человека. Даже уникальность личности самой Екатерины Дашковой, если сравнивать ее с другими мемуаристками ее времени, не смогла обойти стороной влияние дискурсивного потенциала церковнославянской книжности [2, с. 82].

Разбирая мемуары Дашковой, можно увидеть не только две разных личности, но и два дискурсивных пространства, в которых одновременно развиваются эти личности. Это пространства традиционной и новой культур. Явным примером такого симбиоза является «программный» фрагмент «Записок», говорящий о переходе героини в другое, непривычное для нее и сильно отличающееся от ее норм жизни пространство [5, с. 21].

События жизни Дашковой и героини ее автобиографии требуют разных принципов моделирования и восприятия личности в ретроспективном ос-

вещении. Относительно чего можно разделить условно на две части текст «Записок». В первой части своих «Записок» Дашкова не столько занята проблемой женской личности и женской судьбы, сколько очерчивает уникальность своей героини. Повествуя, Дашкова наделяет свою героиню такими качествами и описывает такие действия, которые для того времени были присущи мужчине.

Можно считать, что мемуаристка, скорее всего, хотела, чтобы ее героиня отличалась от светских дам, чьи интересы были исключительно женскими. Дашкова свои «Записки» писала, основываясь на жанре «придворных мемуаров», который был ей близок и хорошо знаком, так как был популярен в Европе того времени, к примеру, мемуары Анны де Монпансье «Великая Мадмуазель» или мемуары Маргариты де Валуа.

Свои близкие отношения с Екатериной II Дашкова объясняла не личной симпатией, а нуждой государства. И в своих мемуарах Екатерина обращается к императрице не так, как ее современницы: «Умоляю Вас, не жалуйте мне этого ордена; как украшению я не придаю ему никакой цены; если же Вы хотите вознаградить меня за мои заслуги, <...>, в моих глазах им нет цены, и за них нельзя меня ничем вознаградить, так как меня никогда нельзя было и впредь нельзя будет купить никакими почестями и наградами» [1, с. 92].

Мемуаристка откровенно говорит, что в своих рукописях она не только запечатлела идеальное время и женщин (себя и Екатерину II), но и увековечила историю всей России, ограждая от многих нападков и Екатерину II, и время ее правления.

Вторая часть «Записок» связана уже со временем окончательной отставки Дашковой от всех государственных дел после смерти Екатерины Великой и с ее жизнью в имении Троицкое, что фактически было ссылкой. Пребывание в Троицком знаменует собой новый статус героини и изменение границ пространства ее личностной реализации. Теперь жизнь героини проходит в замкнутом «деревенском» пространстве, в сравнении с путешествием по Европе оно особенно «узкое» и статичное.

Текст «Записок» показывает читателю героиню в двух традициях: нового времени и средневековой культуры. Такой симбиоз происходит, когда в героине встречается «светское» и «житийное». Дашкова в своих мемуарах пришла к тому, что ее героиня являет собой универсальную женскую личность, а не просто сакральную и идеальную, как в традиции ее современниц.

Свой труд по созданию «Записок» Е.Р. Дашкова оценивала как акт «сотворения» себя как личности. Одновременно это было актом «сотворчества» с нравственно-философскими и этическими исканиями ее великих современников. И потому с полным правом можно сказать, что Е.Р. Дашкова создала памятник русской личности «безумного и мудрого», по словам А.Н. Радищева, «осмнадцатого столетия»

Библиографический список

1. Дашкова Е. Записки: 1743-1810. Калининград, 2001.
2. Е.Р. Дашкова и представители века Просвещения. М., 2008
3. Огарков В.В. Е.Р. Дашкова: Ее жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1893.
4. Третьякова Л.И. «Российские богини». М.: Изограф, 1996.
5. Тычинина Л.В. Великая россиянка. М.: Наука, 2002.

П.Б. Большаков

Самарский государственный институт культуры

ПЕРВЫЕ ГОДЫ САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ

Самарская епархия в 2021 г. отмечает свое 170-летие. До образования самостоятельной Самарской губернии духовная жизнь горожан находилась сначала под попечением архиепископа Казанского и Свияжского, а с 1832 г. и по 1850 г. – Симбирского и Казанского. К середине XIX в. Самара постепенно превратилась не только в экономический, культурный, но и духовный центр обширного края под определяющим влиянием православной церкви [9, с. 306].

В первой половине XIX в. Самара была уездным городом Симбирской губернии. Однако Заволжье на левом берегу великой русской реки требовало новых органов и способов управления, чтобы удержать под контролем переселенческое движение, а также возросшее население края [4, с. 7].

Первоначально предполагалось составить Самарскую губернию из уездов Оренбургской, Симбирской и Казанской губерний. Этот проект реализован не был, но идея образования новой губернии не осталась без внимания [7, с. 89].

По докладу Государственного Совета от 22 июня 1850 г., утвержденному Николаем I, было повелено приступить к созданию Самарской губернии. По указу, подписанному императором 6 декабря 1850 г., в ее состав вошли три уезда из Оренбургской губернии (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский), по два уезда из Симбирской (Ставропольский и Самарский с частью Сызранского) и Саратовской (Новоузенский и Николаевский) [4, с. 7-8].

Открытие губернии и переименование Самары из уездного в губернский город состоялось 1 января 1851 г. Первым губернатором назначили тайного советника Степана Григорьевича Волховского. В день открытия губернии после литургии в Казанском соборе епископ Симбирский и Сызранский Феодотий (Озеров) благословил Самару иконой святого Алексия митрополита Московского. Согласно местному преданию, данный святитель предсказал будущее величие города еще в XIV в. во времена Золотой Орды [8].